КРОКОДИЛ

— Еле вас разыскал, товарищ мастер! Разрешите мне отлучиться с работы на полчасика!..

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Вик. ЛАПОВ

ЗАЗЫВАЛЫ В ТРАНСЕ

В начале января радио Иерусалима огласило эфир зазывным воркованием (цитируем почти дословно):

— Приезжайте в Иерусалим! Переселяйтесь к нам насовсем. Вас ждет уникальный город, где бесценные памятники старины, древнейшей архитектуры и вечно молодой, нестареющей религии мирно соседствуют с ультрасовременными зданиями, проспектами, отелями. Всего за несколько лет Израилю удалось с помощью новой планировки, смелых архитектурных решений и современной строительной техники придать Иерусалиму более привлекательный вид. Мелодичное, ритмичное, ласкающее слух урчание мощных бульдозеров каждый день раздается в старом городе, там, где были пустыри и лачуги. Убогие домишки снесены. Высокие дома из стекла и бетона украшают новые районы Иерусалима, комфортабельные отели ждут посетителей. Вы по-новому увидите себя в зеркальных окнах новых зданий. Отличный сервис и незабываемые впечатления гарантированы. Добро пожаловать!..

Если реклама хоть немного соответствует истине, то чего еще, спрашивается, не хватает в этом раю? Кажется, есть все, что душа пожелает. Есть даже такое, о чем умолчала (наверное, из скромности) израильская радиореклама. Вот, например, наркотики — и дешевы, и в любом ассортименте, и немедленно гарантируют вам блаженный райский «кайф». И вообще учтите: рай для наркоманов находится теперь уже не где-нибудь, а в священном городе Иерусалиме. Так что не промахнитесь! «Временами стойкий запах гашиша,— рассказывает корреспондент швейцарской газеты «Трибюн де Женев» Мишель Саломон,— настолько усиливается, что заглушает все запахи базаров».

Но и это еще не все. Оказывается, на улочках старого города расторопные посредники предлагают туристам на выбор посещение святых мест, «очень чистоплотных девиц» или марихуану.

Все это происходит, как свидетельствует, не скрывая своего удивления, все тот же Мишель Саломон, «в обстановке терпимости и почти евангельского добродушия со стороны властей».

А чему тут, собственно, удивляться? Ведь Иерусалим — «святая земля». И не только для верующих. Под «добродушным» израильским управлением он стал, продолжает швейцарский журналист, «святой землей для наркоманов», «центром международной торговли наркотиками».

Дело это выгодное, а значит, богоугодное. Ведь Израилю нужны деньги, а евангельская терпимость оплачивается неплохим торговым оборотом. Высококачественный гашиш идет здесь по сниженным ценам — налетай, расхватывай! Что и происходит...

Одно плохо: к наркотикам стала приобщаться и молодежь в самом Израиле, сокрушается мосье Саломон. И не только молодежь, уверенно добавим мы, но и сионистские зазывалы из пропагандистского аппарата Израиля. На такое подозрение невольно наводит их рекламная передача о процветающем Иерусалиме. Ее авторы явно чего-то перебрали. Может, гашиша, а может, марихуаны. Но несомненно, что вещали они в состоянии глубокого транса или «кайфа», вызванного если не наркотическим, то сионистским дурманом.

Ведь будь они в нормальном, трезвом состоянии, радиореклама звучала бы совсем иначе. Например, так:

— Посетите древний Иерусалим, арабская часть которого в 1967 году была захвачена израильскими оккупантами... Посетите город, где взорваны и уничтожены тысячи домов, где нашими бульдозерами сбриты целые кварталы, населенные арабами, где законных владельцев и коренных жителей выгоняют на улицу, а на месте их разрушенных жилищ возводятся новые дома для израильтян... Приглашаем вас в чужой, уворованный нами город, который Израиль продолжает перестраивать и заселять вопреки резолюциям Совета Безопасности ООН по Иерусалиму, принятым в 1967, 1968, 1969 и 1971 годах. Посетите этот священный город, который мы превратили в притон, в рай для наркоманов и проституток, город, который мы объявили «столицей Израиля»... Приезжайте в Иерусалим — пусть рев бульдозеров и грохот военных парадов ласкают ваш слух. Здесь вы по-новому, с особенной четкостью увидите суть и практику сионизма в зеркальных окнах новых зданий, именно здесь, на оккупированной земле арабского Иерусалима, который не принадлежит и никогда не будет принадлежать Израилю. Добро пожаловать!..

ЭННА (Сицилия). Здесь арестован преступник, долгое время похищавший произведения искусства и антикварные ценности. Ко всеобщему удивлению, оказалось, что его зовут Микеланджело Буонар — роти! Вот когда имя обязывает к «специализации».

* * *

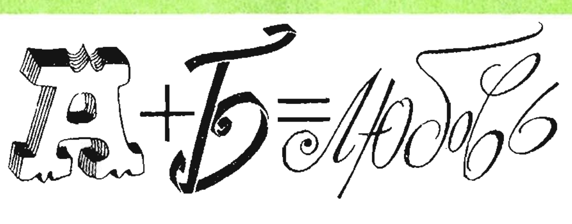
ХОФГЕЙМ (ФРГ). Местная полиция возбудила преследование против нескольких торговцев, которые в своих лавках по весьма высокой цене продавали «средство против глупости». Следствие пришлось прекратить, ибо большинство не признавалось в покупке этого «средства», а те, кто признался, не считали себя обманутыми...

* * *

НЬЮ-ЙОРК. Он — известный писатель. Она — известная киноактриса. Когда они впервые встретились, бедствовавший автор Ч. Макартур протянул Г. Хейз бумажный фунтик с орешками и сказал: «Лучше бы они были изумрудными». Они поженились, фортуна им улыбнулась, и Чарльз смог осуществить свою юношескую мечту — он преподнес своей жене великолепное изумрудное колье, сказав при этом: «Лучше бы эти изумруды были орешками». Эта сентиментальная история преподнесена журналом «Ньюсуик» с весьма современной, созвучной американскому образу жизни концовкой: в минувшее рождество налетчики унесли из процветающего дома все драгоценности стоимостью в 20 тысяч долларов. В том числе и изумрудное колье.

* * *

ГУРДОН (Франция). В местную жандармерию вошел безупречно одетый молодой человек. В справедливом негодовании 25-летний Кристиан Бертран заявил дежурному полицейскому, что его партнер Серж Гарнар нарушил данное им обещание честно делить получаемый ими доход. «А какова ваша профессия?» — поинтересовался полицейский. «Мы грабители»,— объяснил Бертран.

Формула эта, дорогой читатель, вам наверняка известна еще с туманной юности. Но не спешите настраивать себя на лирический лад. В данном случае А — не Аня, а Б — не Боря. И тем не менее в сумме что-то должно получиться...

А — это буква, которой экономисты обозначают блюминг и другие тяжелые предметы. Букву Б они отдали предметам полегковеснее, например, сковородкам. Короче, А — тяжелая промышленность, Б — легкая, производящая товары народного потребления.

И тем не менее речь идет о любви. О любви трудной, сложной, чреватой неувязками и размолвками, иногда даже безответной, но так необходимой обоим.

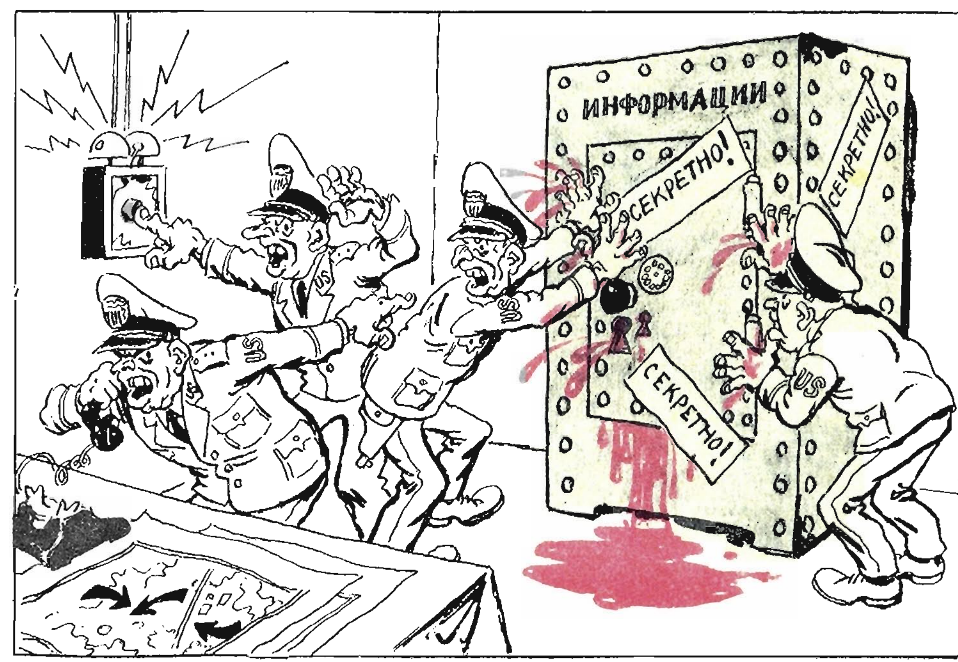
И поэтому мы все-таки недрогнувшей рукой выводим:

«А» + «Б» = ЛЮБОВЬ

ДРАМА В ПЕНТАГОНЕ

Рисунок А. БАЖЕНОВА

— Полиция? Скорее, у нас опять утечка информации!

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Ирина ПОГОДИНА

Джентльмены в Ольстере

Прежде чем появиться с автоматом наизготовку на улицах североирландских городов, английский джентльмен прошел длительный путь эволюции.

В старину можно было стать джентльменом, не прилагая особых усилий. Родился в благородной семье — носи пожизненно бремя джентльменства.

В двадцатом веке взгляд на джентльмена несколько изменился. От него стали требовать не столько родовитости и состоятельности, сколько безукоризненных манер. Яркий тому пример — политика английского правительства в Северной Ирландии. Здесь, как на выставке породистых охотничьих псов, джентльмены демонстрируют весь спектр своих отменных джентльменских статей.

ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ. Обещали «навести порядок» на ольстерской земле — и наводят всеми силами (вооруженными).

БЛАГОРОДСТВО. Стрельба ведется не всегда настоящими пулями. Иногда применяются и резиновые.

ГУМАННОСТЬ. Слезоточивый газ «си-эс», которым рассеивают демонстрантов, не вреден. Он вкусен, питателен и витаминозен, как установила весьма авторитетная «комиссия Химсуорта», созданная для расследования случаев отравления этим газом. Два года трудилась комиссия. Говорят, сам мистер председатель ложился спать в обнимку с баллоном сжиженного «си-эс» и ни разу не всплакнул во сне. Правда, утверждают, что частично комиссия состояла из лиц, причастных к фабричному производству «си-эс» и заинтересованных в сбыте своей продукции, но кто же заподозрит джентльмена в недостатке честности?

СОСТРАДАТЕЛЬНОСТЬ. Именно это качество блестяще продемонстрировал в парламенте министр внутренних дел Реджинальд Модлинг. Спокойно и терпеливо он объяснил парламентариям, что английские «зеленые френчи», сами того не желая, искренне сожалея, действуя в тисках обстоятельств, с болью в сердце были просто вынуждены расстрелять безоружных демонстрантов в североирландском городе Дерри.

РЕСПЕКТАБЕЛЬНОСТЬ. Стоит парашютистам предпринять какую-нибудь обычную акцию в Ольстере, как со всех сторон слышатся негодующие голоса: «До какого варварства мы докатились! Будто американцы во Вьетнаме!» и тому подобное.

— Помилуйте,— отвечают джентльмены. — Разве жителей Ольстера уже поливают напалмом? Разве раненые падают, как в джунглях, в сырую траву, кишащую ядовитыми змеями? Ничего подобного. Они падают на улицах цивилизованных городов, на ровный асфальт или аккуратно уложенную брусчатку. К тому же во время разгона демонстраций водяными пушками мостовые попутно омываются стекающей с демонстрантов водой. Гигиенично. Опрятно. Чистоплотно. А концлагерь Лонг Кеш разве в состоянии вместить столько интернированных, сколько томится в южновьетнамских «стратегических деревнях»? Никакого сравнения. И белфастская тюрьма Крамлин-роуд — это вам не сайгонские «тигровые клетки». Ничего похожего. Нет, нет, мы респектабельные джентльмены, не имеем ничего общего с грубыми янки!

ГАЛАНТНОСТЬ. Дамам при интернировании и заключении в тюрьму отводятся лучшие места на нарах. Кроме того, их первыми сажают в «черную Мэри» (тюремная машина).

Если после всего сказанного вы еще сомневаетесь в том, что тори — истинные джентльмены, то я уж, право, просто не знаю, чем вас еще убедить.

Е. ДУБРОВИН,

А. ХОДАНОВ,

специальные корреспонденты Крокодила

Мы ищем дядю Вано

Путевая приключенческая повесть

Едва мы вышли из поезда, как на нас обрушился ужасный снегопад. Уподобившись бульдозерам и отваливая пласты кавказского, пахнущего эдельвейсами снега, мы начали пробиваться к центру города. Здесь мы оглядели себя и убедились, что являем собой печальное зрелище.

Особенно жалкий вид имели башмаки. В таких страшных башмаках нельзя было явиться ни в одно присутственное место.

— Дядя Вано! — воскликнул один из нас.

Ну, конечно же, дядя Вано! Как мы могли забыть про него! Он же тут рядом, за углом! Дядя Вано выгодно отличался от других чистильщиков тем, что его возраст был равен возрасту города Орджоникидзе. Сколько существовал город Орджоникидзе, столько существовал и дядя Вано.

Но на месте, где раньше был дядя Вано, стоял журнальный киоск. И правильно, поскольку повышать свой культурный уровень тоже надо.

— Вы ищете дядю Вано? — догадался киоскер, глянув на наши ботинки. — Так можете не искать: дядю Вано прогнала электронная машина марки этой... вроде бы «Феникс-оппель-Эразм-Роттердамский-2078», и он сейчас чистит обувь в городе Грозном перед рестораном «Терек», куда еще не дошел научно-технический прогресс. Зайдите в отель «Интурист» и сами убедитесь.

Мы отыскали отель «Интурист», и действительно, там сверкала и переливалась всеми цветами радуги удивительная машина.

Наверное, она умела делать все. Или почти все. Вероятно, у нее можно было узнать, сколько стоит местный каракуль на бирже в городе Гонолулу. У чистильщицкой машины был лишь один-единственный недостаток: она не могла чистить обувь. Один из нас, попытавшийся первым испробовать сервис, тут же остался без подошв, а другой был отброшен центробежной силой прямо в зеркало в стиле Людовика XIV.

И тогда мы отбыли в город Грозный.

Выслушав нас, швейцар ресторана «Терек» сказал:

— Да, сидел здесь старикашка со щетками. Сейчас он возле замка царицы Тамары жарит шашлыки. Мы вытеснили его из города при помощи машины, изготовленной нашими умельцами. Не обязательно чистить обувь — достаточно ее помыть, не так ли?

Только тут мы обратили внимание на сооружение из сборного железобетона. Это было высокое корыто, в котором бились перекрещивающиеся струи воды. На дне корыта образовывался мощный поток, который с клекотом уносился в трубу.

— Очень удобная машина! — говорил швейцар. — Кроме того, в ней можно и самому помыться по пояс.

Мы решили не мыться по пояс, а ехать к замку царицы Тамары, где заодно можно отведать знаменитых кавказских шашлыков.

Военно-Грузинская дорога поразила нас вежливыми указателями, но до замка царицы Тамары сервис пока не дошел. Здесь не было указателей. Здесь вообще ничего не было: ни столовых, ни кемпингов, ни табличек, ни экскурсоводов, ни изделий местных умельцев. Наверное, поэтому не было и туристов, хотя окрестные городки заполнены ими. Просто в гордой вышине гордо реял замок. И ни одного живого существа вокруг. Впрочем, одно существо было. В развалинах древней казачьей крепости обедал отполированной веками костью бродячий пес. Мы проглотили слюну и поспешили назад, ибо в нескольких километрах от замка была действительно шашлычная и, вероятно, именно там работал дядя Вано.

В шашлычной нас встретил человек в одежде зимнего ночного сторожа: он был в бараньем тулупе, бараньих валенках, бараньих рукавицах и бараньей шапке. Сразу было видно, что человек имел непосредственное отношение к шашлыкам.

— Дядя Вано? — закричали мы. — Наконец-то!

— Я не дядя Вано, — сухо ответил человек во всем бараньем.— Я старший техник-электрик. А дядя Вано сейчас работает банщиком в городе Пятигорске. Мы его вытеснили при помощи электропечей. Дело в том, что дядя Вано не гармонировал с нашей новой шашлычной. Он был просто не сервибелен.

Мы оглядели царство стекла, пластика и кафеля и поняли, что старший техник-электрик прав. Правда, здесь было холодно, как на вершине Казбека, но это вполне объяснялось тем, что на дворе стояла зима. Зато летом здесь, наверно, очень тепло.

— Электропечи сейчас не работают, — объяснил нам старший техник-электрик, хлопая рукавицами, — но мы можем вам пожарить шашлык на сковородке. Только шашлык будет свиной, а не бараний. Можно даже не резать, а зажарить в виде эскалопа.

— Согласны на свиной, — сказали мы.— Только все же порежьте.

Техник-электрик ударил валенком о валенок и сказал:

— А не лучше ли вам посмотреть чеканку?

С благоговейным лицом он подвел нас к замечательному настенному панно. Что там шашлыки! Здесь было все, даже рог изобилия, из которого сыпалась всякая всячина: виноградные гроздья, битая дичь, апельсины и шашлыки, по всем приметам бараньи.

Мы не могли оторвать глаз от натюрморта... Чувство голода исчезло само по себе. Теперь с легким сердцем можно было садиться в машину и ехать в город Пятигорск, где нас ждал дядя Вано.

— Дядя Вано знает, куда поступить работать,— распаляли мы себя по дороге.— Наверно, выбрал маленькую уютную баньку на берегу речки или прудика. Напарился, поддал плечом набухшую дубовую дверь — и бултых голышом в речку...

— А потом дядя Вано пивка холодного в запотевшей кружке принесет...

— Нет сил терпеть! Скорей бы!..

Пятигорск был затянут плотной пеленой дыма, в которой, как молнии, сверкали языки пламени. Реактивный лайнер, летевший над городом, круто изменил маршрут, огибая тучу пепла.

— Что это? — испугались мы.— Извержение горы Машук? Неужели Машук решил стать вулканом?

— Это ихняя баня,— пояснил шофер.— Мощный комбинат. Тьму народа пропускает зараз, потому и дымит так.

«Дядю Вано наверняка вытеснили оттуда какими-нибудь моечными машинами»,— грустно подумали мы и решили пожертвовать холодным пивком в запотевшей кружке. Тем более что дела, по которым мы приехали, были закончены и срок командировки истекал. Пора было в аэропорт...

Мы прибыли в Минеральные Воды и, едва вошли в аэровокзал, увидели его. Незнакомец безучастно смотрел на людей, машинально теребя водоросли пальцами ног. Он сидел на краю аквариума, а ботинки свои держал в руках и, балансируя ими, сохранял равновесие.

Аквариум с трех сторон был целомудренно прикрыт несвежими занавесками, и на нем имелась надпись: «Кормить рыбок продуктами воспрещается». Однако рыбок в аквариуме не было.

До отлета нашего самолета оставалось четыре часа, и посему мы решили сдать свои вещи в камеру хранения, однако в этой прекрасной копии лучших столичных аэровокзалов ее не оказалось. Нас направили в гостиницу через площадь. Там, у окошечка, за которым работали две усталые женщины, мы увидели дородный раскрасавец автомат. Женщины указали на него и пояснили: «Сначала бросьте в щелочку пятиалтынный, потом оторвите талончики, а потом уже к нам».

У нас не было пятиалтынных, и ни у кого в очереди их тоже не оказалось. Поэтому, захватив чемоданы, мы побрели в ресторан.

— Здесь не обменный пункт,— обиделись официанты, но меню все же протянули. — Пообедайте — получите пятиалтынные в сдаче.

Потом, получая желанную сдачу, мы видели, как по залу метался человек, спрыгнувший с аквариума. Он оказался далеко не молодым, но еще стройным горцем в коричневой каракулевой папахе и итальянском лыжном костюме из пронзительно-голубого нейлона.

— Где посадка на Махачкалу? — донесся до нас его беспокойный гортанный голос. — Куда бежать?

Равнодушный гул неосведомленной толпы был ему ответом.

Времени у нас было предостаточно, и мы решили отдохнуть. Обойдя верхний и нижний залы в поисках мест (аквариум уже был занят), мы наконец уселись, и гражданин, весящий 97 кг 225 г, стал интересоваться нашим рейсом. Мы разговорились, и вскоре выяснилось, что девушка, сидящая неподалеку (47 кг 723 г), тоже летит в Москву.

Все мы сидели на весах.

Вскоре, однако, началась регистрация, и нам пришлось покинуть свое гостеприимное, хотя и неустойчивое место. И мы отправились смотреть телевизор, как вдруг торопливый голос диктора объявил посадку на наш самолет.

То все линии были напрочь и, казалось, навсегда закрыты по неизвестным для пассажиров причинам, то внезапно все сразу открылись, без всякого предварительного предупреждения. И началось великое переселение: люди метались по залу, сливаясь в водовороты и материализуясь в гранитные пробки, закупоривавшие все входы и выходы. Люди останавливались возле механизированных стендов с указанием движения самолетов, но автоматы молчали или показывали то, что еще вчера кануло в Лету.

Древнейший скороход не бежал так скоро, как неслись мы на летное поле со своими чемоданами.

Уф, цель достигнута! Но что это? Что?! Крошечные, обнесенные железной изгородью ловушки-выходы на поле были пустынны. Тут не было даже автоматов, а не то чтобы служащих. Шли минуты, мы все стояли и стояли, пока к нам не подбежал голубой горец.

— Вы тоже по объявлению? — спросил он, задыхаясь.— Только что... по радио... передали... я не расслышал...

— Сюда! Сюда! — закричала вдруг деловая женщина в униформе и ожесточенно помахала нам списком.

— Ничего не мог добиться! — доверительно кричал нам на ухо голубой горец, когда все мы, погрузившись на автобусик, помчались во тьму и неизвестность.— Потом всех перехитрил: достал две копейки и из аэровокзала позвонил в аэровокзал. Но все равно никто не подошел!

Когда самолет вышел на стартовую прямую и понесся по дорожке, обгоняя самого себя, голубой горец повернулся к нам и опять же доверительно прокричал:

— В Махачкале — сразу же ко мне! Будем пить натуральный шотландский виски и запивать растворимым кофе по-турецки!

— Зачем в Махачкале? — удивились мы.— Через два часа вы будете нашим гостем в Москве!

Голубой горец сорвал с себя ремни, но было уже поздно.

— Говорили же мне, ай как много говорили!.. — запричитал он. — Дядя Вано, говорили, приезжай на аэровокзал за три часа — все узнаешь и про самолет и про Махачкалу! Приехал за четыре часа — ничего не узнал, улетел в другую сторону, ай-вай-вай!..

— Так вы дядя Вано?! — радостно закричали мы. — Наконец-то!..

Через два с половиной часа наш самолет благополучно прибыл в Казань.

* * *

Кажется непостижимым, что лет двадцать тому назад слово «сервис» не ласкало наш слух. Был сервант, был Сервантес, была сервировка. Не было сервиса... О эти славные времена! Вспомним их с теплотой, читатель!..

Тогда в зале ожидания прогуливалась просто тетя Катя (Маша, Поля, Паня). Она могла быть высокой и дородной, низенькой и щуплой — неважно! Вряд ли она казалась кому-нибудь симпатичной, а форменная шинель, подпоясанная старенькой шалью, только подчеркивала ее суровость. Но у тети Кати (Маши, Поли, Пани) было два неоспоримых преимущества, которые ныне в джунглях хитроумных автоматов современного сервиса, увы, уже не встречаются. С ней можно было общаться. И она не выходила из строя.

Орджоникидзе — Грозный — замок царицы Тамары — Минводы — Москва

Мих. ХОНИНОВ

ЗИМНИЕ БЕСЕДЫ

Прекрасны луга моей родной Калмыкии. Едешь летом, и радует глаз душистый травяной ковер. Но это не только картина для лирических поэтов. Травы — корм для бесчисленных отар овец, для рогатого скота, травы, говоря языком экономиста,— основа развития животноводства в республике.

Но, увы, есть еще у нас и такие животноводы, которые своевременную и добротную заготовку кормов считают докучливой обузой. И получается так, как, скажем, в Яшкульском районе: положено на одну овцу сто пятьдесят килограммов разных кормов, а заготовлено всего шестьдесят пять.

Надеюсь, что такие хозяйственники узнают себя в Хагсу Хвастуне и Болсуне Болтунове...

Так вы не знакомы с Хагсу Хвастуном!
Он правит совхозом.
При этом
Он только зимой вспоминает о том,
О чем забывает он летом.
Он знает, что значит в совхозе зима:
Бушует шурган за дворами,
И если зимою пусты закрома,
То поздно бежать за кормами...
Но вы не знакомы еще с Болсуном,—
Он фермами правит.
При этом
Зимой он заботится лишь об одном —
О чем не заботился летом...
Вот, сытно откушавши,
в первом часу
Вдвоем с Болсуном Болтуновым
В брезентовом «газике»
едет Хагсу
К овечкам, баранам, коровам...
Их «газик» к ближайшей кошаре довез,
Где блеяли овцы спросонок,
Где больно царапался белый мороз,
Как сытый, игривый котенок.
Где ветер в загоне-клетушке листал
Вчерашней соломы остатки,
Товарищ Хагсу разговаривать стал
С одной племенной овцематкой.
— А что она все продолжает твердить!
Что значит «бе-бе» в переводе!
Болсун, ободренный, стал переводить:
«Овца говорит при народе,
Что, если ее не накормят зимой,
Напрасно приплода вы ждете,—
Не только ягненка,
но даже самой
Овцы по весне не найдете!»

И тут же Хагсу изменился в лице:
— Ну, это уж глупость баранья! —
И вышел, спиной повернувшись к овце,
Проститься забыв на прощанье...
Он в «газике» молча
сидел с Болсуном.
Они не обмолвились словом.
Беседа с овцою казалась им сном,
А явью —
поездка к коровам...
Вот ребра жердей обозначили бок
Загона
в заснеженном мраке —
Разбит, изувечен коровий базок,
Точь-в-точь — после яростной драки.
Начальство направилось на сеновал,
Но сено здесь не ночевало,
Камыш тут уже не шумел, а шуршал,—
Для шума его было мало.
И в этот мороз, в эту стынь, снеговерть,
Прикрыта от снега жердями,
Стояла корова, худая, как жердь,
И ела начальство глазами.
Корова сказала охрипшее «му»,
Как будто мычать ей мешали,
И тут же язык показала ему,
Изрезанный весь камышами.
Болсун это «му» перевел
с языка
Коровьего
на человечий:
«Камыш не запарив,
не жди молока,
Он только желудки калечит».
И снова Хагсу изменился в лице:
«Откуда такое нахальство,
Чтоб каждой корове и каждой овце
Позорить прямое начальство!!»
Тем временем «газик»
вдали за базком
Простился с брезентовым кровом:
Коровы слизнули брезент языком —
В буквальном значении слова...
XXX
Кто в деле не смыслит ни «бе» и ни «му»,
В директорском кресле что делать ему!

Перевел с калмыцкого Андрей ВНУКОВ.

— Вы критиковали меня, но я не злопамятен: вот, получите...

Рисунок Е. ГУРОВА

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«А КТО БУДЕТ!»

Одноименный фельетон Ю. Самойлова был посвящен низкому художественному качеству концертных программ гастрольных коллективов, приезжающих в Кисловодск («Крокодил» № 33, 1971 г.).

Начальник управления музыкальных учреждений Министерства культуры РСФСР тов. Б. Диев сообщил редакции, что фельетон обсуждался на художественных советах в Волгоградской и Красноярской филармониях, в творческой мастерской сатиры и юмора Москонцерта. За систематическую фальсификацию авторских произведений и отступления от утвержденного репертуара артист М. Горелик освобожден от работы в Красноярской филармонии без права занимать должность художественного руководителя. Освобождена от работы в Волгоградской филармонии танцевальная пара Катаниченко. Росконцерту и Кисловодской филармонии указано на необходимость более внимательного подхода к приглашению гастролеров.

«ТАКОЕ СЧАСТЬЕ — ТЕЛЕФОН!»

В заметке под таким заголовком («Крокодил» № 33, 1971 г.) рассказывалось о плохой работе Ереванской городской телефонной сети.

Руководители управления Ереванской ГТС сообщили нам, что выступление «Крокодила» обсуждалось на бюро партийной организации. Приняты конкретные меры по ликвидации недостатков.

«ЗНАМЕНИТАЯ ШКОЛА»

Так называлась заметка, помещенная в № 34 нашего журнала за 1971 год. В ней речь шла о том, что Министерство сельского хозяйства РСФСР вместо необходимых 370 тысяч рублей на строительство школы для детей работников Красноуфимской селекционной станции выделило лишь 90 тысяч рублей, и стройка замерла.

Как сообщил редакции заместитель министра сельского хозяйства РСФСР тов. Н. Цибизов, меры приняты. Средства, требующиеся для сооружения и оборудования школы в нынешнем году, отпущены полностью.

Варaздат БАГРЕВАНДЦИ

ПЕССИМИСТ

Меж клумбами цветов
В сияющем саду
Прошелся Ворон
сумрачно и гордо,
Сучок засохший
Поднял на ходу
И заорал
Во все воронье горло:
— Смотрите все!
Смотрите, стар и млад!
Какой кошмаррр!
Засох несчастный сад!

Перевел с армянского
Мих. РАСКАТОВ.

Юрий КРУГЛЯК

ДО ЧЕГО ДОВОДЯТ ЮБИЛЕИ

Достиг писатель некий
юбилея,
и голова вскружилась от елея.
Пошел на кладбище,
на главную аллею,
местечко подобрать
для мавзолея.

Перевел с украинского
А. СОБОЛЕВ.

Владимир АЛЕКСЕЕВ

НА СЕКЦИИ КРИТИКОВ

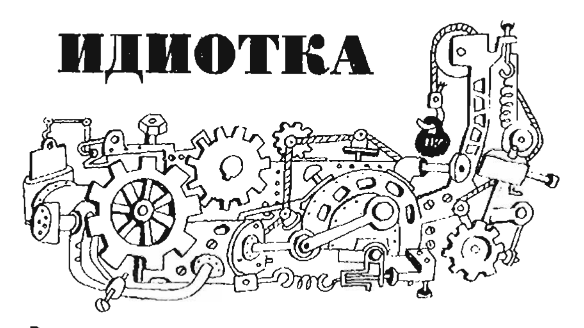
«Я думаю — и значит,
существую!» —
Считали так издревле
мудрецы...
Порой в докладах критиков
не встретишь мысль живую.
А существуют как-то,
хитрецы!

ВСТРЕЧНЫЕ ПЕРЕВОЗКИ

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

С. РОДИОНОВ

ИДИОТКА

Утром к нам в кабинет вскользнул красный, распаренный завхоз Лягушевич.

— Везем! — хрипло сказал он.

Молодой кандидат наук Веня, перспективный, как алмазные россыпи, бросился к Лягушевичу и спрутообразно обвил его своими длинными руками. Лягушевич без воздуха посинел. Наш руководитель, доктор наук Дар Иванович, вытащил изо рта трубку и засунул ее за ухо — волновался старик. Я вытащил из-за уха сигарету и сунул ее в рот — тоже волновался.

Рабочие втащили агрегаты в кабинет, и весь день настройщики устанавливали ее — прогнозирующую диагностирующую машину АБВГД-500. Она на все отвечала и все решала — только информацию подавай.

На второй день машина добродушно урчала, как кот у рыбы, и подмигивала зелеными огоньками.

— С вас причитается,— сообщил Лягушевич.

— Коньяк,— подтвердил я.

— Сколько? — вежливо спросил Лягушевич.

— Две,— хлопнул его по плечу Веня.

— Бутылки,— уточнил Дар Иванович.

Лягушевич заметно порозовел и незаметно ушел — свое дело сделал.

— Ну, товарищи,— потер руки Дар Иванович,— опробуем. Узнаем, что мы за ученые. Значит, так: на ввод надо сунуть в нее две научные статьи — самую первую и самую последнюю. Вениамин, начинайте!

Веня улыбнулся: знал себе цену и без машины. Он сунул в щель статьи и нажал кнопку. АБВГД-500 защелкала, замигала, заныла. Через три секунды она враз успокоилась и на выводе швырнула карточку. Веня взял ее и посмотрел на меня, чуть-чуть прищурившись. Я знал, чего он прищуривается: я шесть лет пишу докторскую, а он ее только начал — мол, обгонит.

Веня смотрел в карточку не отрываясь, будто машина выбросила фотографию Софи Лорен на пляже. Мы с Даром Ивановичем тоже примкнули. «Научным мышлением субъект не обладает. Имеет счетно-решающие способности. Может быть использован учителем арифметики, счетоводом в колхозе и кассиром в гастрономе».

— Да у нее диоды не все дома! — сказал Веня и посмотрел на машину, будто собирался дать ей в морду.

— Нет уж, Вениамин Спиридонович,— закусил трубку шеф,— машина не ошибается, она железная. Я и сам замечал за вами кое-какие счетно-решающие способности. Вчера в буфете кефир съели, а платил я. Ну, теперь ваша очередь,— обратился он ко мне.

Я схитрил и сунул на ввод статью не самую первую и не самую последнюю — была у меня пара хороших статей. Машина покляцала и выдала карточку. Я прочел и поперхнулся: «Мыслит совсем не... Может работать заместителем токаря».

— Первая фраза невразумительная,— сказал я, игриво улыбаясь.

— Вероятно, «не совсем мыслит»,— с готовностью расшифровал шеф.

— Или «совсем не мыслит»,— уточнил Веня.

— Да у нее пробки перегорели,— сквозь зубы заключил я.

Дар Иванович вытащил из-за уха трубку и дрожащими руками сунул в щель две статьи, известные каждому студенту. Классические были статьи. Машина заныла радостно и звонко, как школьники, у которых отменили урок.

Шеф схватил карточку, а мы прилипли по бокам: «Посредственный компилятор. Приемка посуды, банщик, уход за слоном...»

— Лягушевич! — крикнул Дар Иванович так, что машина испуганно мигнула зелеными глазами.

Лягушевич вышел из-за портьеры.

— Слушай, да она испорчена! Триоды с пробками перегорели, да и кардан барахлит!

— Ну?! — удивился Лягушевич и почесал пальцем во рту.

— Сколько она стоит? — спросил Дар Иванович.

— Триста пятьдесят тысяч, рупь сорок пять.

— Рубль сорок пять,— повторил шеф.— А списать ее можно? Мы акт подпишем...

— Списать можно все,— сказал Лягушевич, сел за стол и вывел на бумаге: «Мы, нижеподписавшиеся...»

Мы ниже подписались.

— С вас причитается,— сообщил Лягушевич и из вежливости добавил:— Две да тех две, итого пять.

— Один,— уточнил Дар Иванович.

— Чего... один? — обидчиво удивился Лягушевич.

— Ящик,— сказал шеф, соснул трубку так, что она по чубук въехала в рот, и добавил машине:— Идиотка!

г. Ленинград.

М. ЛЬВОВСКИЙ, специальный корреспондент Крокодила

СКОВОРОДКА ДЛЯ ЛЮБИМОЙ

Если бы наши исследователи вздумали провести поучительный эксперимент, они пришли бы к рядовой домохозяйке и, разбудив ее среди ночи, спросили:

— Марья Иванна, скажите нам честно и откровенно: что вам нужно?

Марья Иванна пять минут сидела бы в раздумье, боясь прогадать, и с блаженным видом, с каким женщины говорят о норковой шубке, тихо призналась бы:

— Утюг!

Если бы исследователи продолжили эксперимент и, дав домохозяйке соснуть часок, разбудили ее еще раз, она бы честно и откровенно попросила:

— Дайте мне секач из «ножевой группы».

А может, она выразилась бы еще короче:

— Сковороду!

Ночной эксперимент, которого никто пока не проводил, понадобился мне для того, чтобы ярче обрисовать круг вещей, волнующих наших женщин. Кроме утюга, секача и вожделенной сковороды, есть у них другие «хозмечты». Где достать всю «ножевую группу», а вдобавок еще и миску.

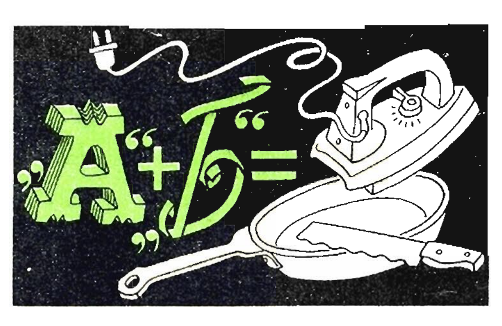
Порой, выходя из магазина, покупатель оглядывается на вывеску с полусказочным названием «Тысяча мелочей» и сокрушенно думает: «Которых нет...»

В чем дело, что случилось? Куда девались мелочи, имеющие довольно крупное значение в домашнем хозяйстве?

Еще лет шесть назад электрических утюгов хватало. Сначала данный бытприбор начал вырабатывать Мелитополь. Потом подключился Васильков, потом — Харьков, потом — прочие города.

Но потребление гладильных устройств, как и все на свете, имеет предел. И наступил момент, когда мелитопольский завод «Бытмаш» отправил Вторчермету первый дар — несколько тысяч штук новеньких, но слегка заржавевших на складе утюгов.

Между тем открылась очередная республиканская торгово-промышленная ярмарка, на которой два титана — Спрос и Предложение — рождают третьего — Производственный план.

Все происходит по укатанной схеме. Представители торговли прохаживаются перед выставленными образцами. Походив, останавливаются и уверенно выносят приговор:

— Это надо! (или «Не надо!»).

Поскольку шесть лет назад утюги оказались в избытке, на их долю выпала вторая часть формулировки:

— Не надо!

И завод «Бытмаш» быстренько переключился на детские коляски. Потом отпал город Васильков. Потом — Харьков. Потом — Гуляй-Поле, Куйбышев... И теперь во многих городах, когда на прилавок попадает желанный утюг, за ним выстраивается очередь длиннее, нежели за махровыми полотенцами.

Впрочем, хочу порадовать вас приятной вестью. Министерство машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов СССР заверяет, что скоро проблема будет решена.

Хорошо? Конечно.

Но тут мы подходим к неожиданному повороту темы. Что-то не хочется поздравлять Марью Иванну со свершением одной ее «хозмечты». Потому что, кроме упомянутого министерства, бурно наращивают утюговые мощности многие другие ведомства.

Обратная волна накатывается на берега торгсети, после отлива наступает прилив, и, возможно, скоро опять прозвучит:

— Не надо!

Вы скажете, что это из области предположений. Несмотря на уверения министерства, гладильному устройству «затоваривание» пока не угрожает. Верно. Тогда я назову вам предмет ширпотреба, который обратная волна уже захватила, оставив довольно печальные последствия.

Соковыпариватель — современная, нужная в хозяйстве вещь. Еще недавно он считался более дефицитным, чем даже вожделенная сковорода. Во всей стране соковыпариватель производил один-единственный завод — днепропетровский «Металлист».

Торгово-промышленные ярмарки проводятся не только на Украине. И вот в Казани осмотрелись — соковыпаривателя не видать — и решили: «Надо!». Отрядили в Днепропетровск гонца за чертежами. В Ленинграде осмотрелись и тоже направили гонца. В Архангельской области осмотрелись и... выяснилось, что бывший «дефицит» вырабатывают уже 24 (двадцать четыре!) предприятия. Итог: на промышленных складах планомерно и неотвратимо оседает новый весомый дар для Вторчермета...

Та же участь постигла мариупольские закаточные машинки, никопольские трубчатые карнизы, донецкие вешалки-плечики и многое другое. Представители торгующих организаций авторитетно заявляли: «Не делайте!», потом — «Делайте!», потом опять — «Не делайте!» — и предприятия беспрекословно выполняли вердикт, веря, что торг до конца познал заветные думы покупателя!

Лишь у руководителей одного предприятия — завода «Запорожсталь» — закралось коварное чувство сомнения. Во время очередной ярмарки полпред «Укркультторга», остановившись перед металлической игрушкой, изрек: «Не надо!». И пришлось бы Кольке, Тольке и другим малышам тянуть за веревочку не сверкающий самосвал или «пожарку» с лестницей, а самодельный эрзац из спичечного коробка, если б завод не провел маленькое исследование. Он разослал в четыреста адресов своим «получателям» анкету с двумя вопросами: а) «Есть ли у вас остатки наших игрушек?», б) «Нужно ли их выпускать?» Из Тбилиси, Самарканда, Ростова-на-Дону и всех прочих городов хлынул дружный шквал ответов, гласящих, что а) «Никаких остатков нет», б) «О чем вы говорите, друзья, давайте игрушки!»

Нет! Все-таки торг не познал заветной думы Кольки, Тольки и других малышей... Все-таки он вынес свой вердикт наугад.

Вот и получается прилив — отлив: то «ножевая группа» есть, то ее нет.

Какие же напрашиваются выводы? Что прогнозы торгов не нужны? Нет! Пусть они высказывают свое мнение — как правило, к нему прислушаться полезно. Пусть остаются добрыми советчиками. Но для того, чтобы выносить окончательный вердикт товару, необходим более убедительный аргумент, чем «надо», «не надо». Необходимо, чтобы на основе научно изученного спроса кто-то с более широким, чем у закупочной базы, кругозором координировал производство предметов народного потребления.

Этот «кто-то» вроде и существует: Всесоюзный научно-исследовательский институт по изучению спроса и конъюнктуры торговли. Но, видимо, он занят более важными делами, поскольку влияние его на судьбу конкретных товаров ничтожно.

А пока в сфере сбыта ходят «волны», и Марья Иванна на вопрос, чего она хочет, мечтательно вздыхает:

— Сковороду!

г. Днепропетровск.

— Вместо иглы вставляете вот эту тяпочку и можете готовить фарш.

Рисунок С. КУЗЬМИНА

В. ТИЛЬМАН,
Е. ШАБЕЛЬНИК

ДАЛЕКО НЕ УЙДУТ!

Ю. БОРИН, специальный корреспондент Крокодила

ГРОССМЕЙСТЕРСКАЯ НИЧЬЯ

Осенью, когда наступает Пора Всеобщего Консервирования, хозяйки осаждают хозяйственные магазины:

— Крышечки есть?

— Откуда? — отбивают атаку продавцы.— Вы что, с луны свалились?

— Тьфу, чтоб их нелегкая взяла! — ругают хозяйки сами не зная кого.— Такого пустяка сделать не могут, железка да резинка.

Они правы. Крышечки — штука пустяковая, и сделать их — раз плюнуть. Но покупательницам невдомек, что вся беда именно в наличии двух компонентов. Дело в том, что металлическая часть крышечки делается металлистами, а резиновая — резинщиками.

Представители двух высоких договаривающихся сторон сидят за столом с острыми углами и ведут тонкую дипломатическую игру.

— Значит, так,— делают ход резинщики.— Три крышки ваши, две — наши.

— Не пойдет! — машут руками металлисты.— Это как же — две ваши? Обдираловка! Грабеж!

— Ну, тогда как хотите,— усмехаются резинщики и делают вид, что уходят навсегда.— Привет!

— Постойте! — хватают их за фалды металлисты.— А если так: пять наших — две ваших? А? По рукам?

— Не по рукам,— сурово отвечают резинщики и смахивают бумаги со стола.— Привет...

У судостроителей с тракторостроителями, этих гроссмейстеров индустрии, ставки покрупней. Тут уже речь не о крышечках, а о прицепных автомобильных домиках. Но игра та же.

Первый ход делает Кировский завод:

— Значит, так, выпускаем вместе дачи на колесах. Мы узнавали — спрос выше головы.

Соседний судостроительный завод имени Жданова охотно поддерживает:

— Давно мечтаем. Мы уже сделали пробный образец. Только освоить силенок не хватило. А вместе — горы свернем.

— Отлично,— продолжают игру представители кировцев.— Кузов, стало быть, наш, внутреннее оборудование — ваше. Идет?

— Идет,— радуются соседи.— Один маленький вопрос. Чья будет стоять фабричная марка — ваша или наша?

— Конечно, наша,— обостряют игру посланцы тракторостроителей.

— Не пойдет,— уходят от проигрыша делегаты корабелов.

Судьи засчитывают ничью. Ни нашим, ни вашим, ни покупателям. Дача на колесах остается розовой мечтой...

...Если сделать экскурс в историю, можно вспомнить то время, когда группа «А» глядела на группу «Б» с презрением.

Но потом выяснилось, что от прокатки стали до штамповки кастрюль дистанция не столь огромного размера, а завод, который выпускает океанские лайнеры, может делать и мясорубки. Надо лишь приложить энное количество усилий. Вот тогда-то, в целях мобилизации этих усилий, была издана инструкция Госплана СССР и ЦСУ, по которой предприятие, освоившее выпуск товаров массового спроса, получает всяческие льготы и преимущества.

Что и говорить, полезная инструкция. Литейщики, прокатчики и машиностроители принялись искать и находить у себя возможности для производства потребительских товаров. Невский машиностроительный завод имени Ленина безо всякого стеснения начал ставить свою фабричную марку на лестницах-стремянках, электронная фирма «Светлана» — на хрустальных рюмках, а могучий Ижорский завод — на ножах и вилках. Тот, кто прежде говорил «А», научился говорить «Б».

Все было хорошо, все были довольны. До тех пор, пока заводы не ощутили крупную выгоду, которую дает им производство потребительских товаров. И стали задумываться: что бы выпустить?

Выяснилось, что можно выпустить еще многое. Но для этого надо скооперироваться с другими предприятиями. Заводы бросились в объятия друг другу и... натолкнулись на ту самую полезную инструкцию, которая их до сих пор стимулировала, мобилизовывала и вдохновляла. По этой инструкции выходило, что все блага и преимущества от выпуска товаров для населения получал лишь тот завод, чья заводская марка на этих товарах красовалась. Если же завод выпускал так называемые комплектующие изделия, то никаких благ и преимуществ он от этого не получал, разве что ему прибавлялось хлопот и забот.

Возникла проблема: как быть?

И тогда проблема стала решаться двумя путями.

Путь первый. Фирма «Светлана» договаривается полюбовно с Вильнюсским пластмассовым заводом: мы вам термосные колбы, вы нам пластмассовые корпуса для них. Из каждых пяти термосов четыре имеют фабричную марку «Светланы», один — Вильнюсского завода. И вот вильнюсские футляры катят в Ленинград, а навстречу им катят ленинградские колбы. Все в выигрыше.

Путь второй. Приведенная выше в случае с крышками «гроссмейстерская ничья». Контрагенты, не договорившись, расходятся по домам. Покупатель в проигрыше, зато инструкция торжествует. Третьего пути не дано. Во всяком случае, до тех пор, пока не будет уточнена инструкция.

А тем временем хозяйки атакуют магазины:

— Крышечки есть?

г. Ленинград

Вл. МИТИН, специальный корреспондент Крокодила

БЕЗ НОЖА К ГОРЛУ

Недавно я на время сменил свою профессию. Правда, без фокусов и переодеваний. Просто представил себе, что являюсь членом коллегии министерства, которое в группе «А»... Не успел я о себе возомнить, как уже почудились голоса: «Вы только на него посмотрите, товарищи! Он пренебрегает предметами массового спроса. Игнорирует возросшие запросы общества!..»

А одно заинтересованное лицо из группы «Б» и вовсе разбушевалось. Я хотел пояснить, что если я проката не обеспечу, то и предметы не из чего будет производить, и уже страшным голосом начал:

— Клянус...

Но мягкий знак выговорить не успел, ибо наш поезд довольно плавно подкатил к Электростали, и я вернулся к своей профессии. Вместе с общественностью я пересек стальные магистрали, держа путь на горком партии, где и рассказал о своем мысленном превращении.

— Смотрите-ка! — не удивился первый секретарь горкома тов. А. А. Дмитриев.— А клятву какую-нибудь вы хотели дать? Хотели? Тогда это — Министерство черной металлургии СССР. Здешний завод «Электросталь» входит в его систему. И на заводе есть цех столовых приборов. А министерство...

И тов. А. А. Дмитриев рассказал про узел взаимоотношений:

а) Потребность в металле, из коего куются столовые приборы, составляет первоочередную заботу министерства.

б) Веление времени диктует рост производства данных предметов.

в) Местной санэпидстанции нет особого дела до министерства и веяний эпохи, и она требует закрыть цех столовых приборов, каковой впал в антисанитарный маразм.

г) Домашние хозяйки — морально, а подчас и грубо физически — берут домашних хозяев за горло и приказывают любой ценой добыть столовую утварь.

д) Давимое массами и печатью, министерство...

С чисто архивной точностью укажем, что в 1967 году Министерство черной металлургии СССР впервые дало страшную клятву по линии строительства нового цеха. Причем не голословно поклялось, не как-нибудь расплывчато, а даже указало сияющую веху: «с увеличением продукции в три раза и вводом цеха в 1969 году». С ежегодным выпуском 10 миллионов ложек, ножей и вилок... Конечно, никто не ожидал, что сотрудники министерства сразу же примутся ездить по субботам в Электросталь, дабы замешивать там бетон и производить подрядческие работы, так сказать, в порядке «самостроя». Но... Я поглядел на отрывной календарь, свидетельствовавший о полном вступлении в силу года 1972-го, и поспешил к цеху столовых приборов.

Вообще-то мы несколько уже избалованы размахами и эпохой. Мы привыкли, что заводской цех — это некий ангар, дворец технической мысли. Так и выглядят другие цеха «Электростали». Ну, а тот, что производит ножи и вилки, являет собой узкую каменную кишку, идущую параллельно прочим дворцам и полотну железной дороги.

Цех начал строиться при царе Горохе, хотя первую продукцию дал лет сорок назад. Это прекрасно. Даже в описываемых ниже условиях цех ухитряется выпускать чуть ли не два с половиной миллиона орудий стола ежегодно. И тем не менее доброта санэпидстанции, до сих пор все-таки не закрывшей цех, служит эталоном ангельского терпения.

Я протискивался по коридору и наткнулся на зам. начальника цеха. Ни разойтись со мной, ни убежать зам. начальника не мог и поэтому был вынужден пойти на интервью.

— В позапрошлом году приказом № 622,— наизусть процитировал тов. В. И. Паршин,— министерство вновь поклялось предусмотреть строительство нового цеха, а наш завод выдал «Главспецстали» задание на проектирование. Правда, министерство взирало на будущее уже не столь оптимистически и предусматривало выпуск всего пяти миллионов штук вилок, ножей и ложек. Но что получилось даже из этого?..

Мы пролезали из одного аппендикса в другой, и Валентин Иванович рассказывал, как все осталось в прежней позиции. Вокруг же степенно творилось чудо. Из грубой ленты «нержавейки» рождался нож, утонченный щеголь, которым вы произведете вторичное заклание голубой аэрофлотовской курицы. Купить его нельзя. Его можно только украсть на высоте восьми километров.

В. И. Паршин подводил меня к очередному технологическому процессу и ласково объяснял:

— А это—строгальный... Понимаете? Ага... Тут особая чистота и широта помещения должна быть. А теперь взгляните на потолок. Потолок, видите, в каком состоянии?.. А потом к шлифовщицам зайдите. Они шлифуют столовые приборы, делают «борта», подгравировку производят... По семьсот штук за смену. А вентиляция? Или, к примеру, граверы...

По габаритам граверная — эта важнейшая часть цеха — оказалась чем-то вроде курятника, разделенного на три подкурятника и умноженного на шесть встроенных шкафов для лыж. И тут я опять возомнил о себе, пытаясь войти в положение административно-ответственного лица из группы «А». «Это ужасно,— думал я, разглядывая наличие закопченных окон и отсутствие подсобных помещений.— Положение, в которое я вошел, парадоксально: мы все за увеличение роста предметов массового спроса! А на деле? Нет, надо дать самое серьезное обеща...»

Я вовремя прикусил язык, вспомнив, что в пятилетнем плане строительство нового цеха практически не предусмотрено. Ведь если я на секунду стал бы, допустим, тов. А. П. Лихорадовым, заместителем министра черной металлургии СССР, то я об этом должен был отлично знать. Писал же мне письма «Главпроект», в которых сообщил, что новый цех проектироваться не будет? Писал...

Вернувшись к репортерской профессии, я сел в одном из древних помещений граверной и задумался. Передо мной лежали эскизы и чертежи... Даже в трудных условиях здешние умельцы работают вдохновенно. Их продукция—мечта! Ложки: десертные, компотные, крюшонные. Вилки — детские, рыбные, лимонные. Ножи? Сырные и масляные даже есть... Вот что значит возросшие запросы людей... Совок для чая хотите? Хотите. И от вилочки для маслин не откажетесь? Так-то. А всего тридцать видов продукции!

Я вернулся в горком партии.

На прощание тов. А. А. Дмитриев, первый секретарь, сказал:

— Учитывая наличие на заводе квалифицированных кадров, высокое качество продукции и большой на нее спрос, как на внутреннем рынке, так и за рубежом, Электростальский горком партии считает целесообразным и просит министерство...

Что именно долгие годы просит горком, я уже знал. Я также помнил, чего именно требовали и от меня дома, когда я уезжал в командировку. Я вспомнил, как моя трепетная подруга жизни намекала на отсутствие ножей в товаропроводящей сети, и спросил тов. Дмитриева, где ближайший магазин «Хозтовары». Тот развел руками и заявил:

— В электростальских магазинах нашей продукции нет...

г. Электросталь

— А на уме у тебя, дорогой,— где бы достать теплые перчатки.

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА

Г. ЯКОВЛЕВ

КУРС СКОРОЧТЕНИЯ

Рассказ

ой школьный товарищ Витя Бутин сказал при встрече небрежно:

— Вчера за один вечер прочитал «Войну и мир».

— Толстого? — удивился я.

— Нет, Гоголя,— насмешливо ответил он.

И, поскольку я продолжал смотреть недоуменно, он снисходительно объяснил, что ходит на курсы скорочтения.

— Кандидат наук кружок ведет,— сказал он гордо.— По пятерке за час берет. Такса у них такая, у кандидатов. Очень интересный кружок. При хорошей практике можно за минуту проглатывать до тысячи слов.

— А что, можно любые книги так читать? — уже заинтересованно спросил я.

— Любые,— авторитетно заявил Бутин.— Можешь не сомневаться. И всего после трех вечеров учебы.

В моей голове стали возникать соблазнительные перспективы. Скоро экзаменационная сессия, а я все только собирался по-настоящему взяться за учебники. А третий курс института не шутка. Короче говоря, на другой день я шагал вместе с Витей Бутиным на урок скорочтения.

Кандидат наук понравился мне с первого взгляда. Человек уже в летах, добродушный, с румяным лицом. Он встретил меня как старого знакомого и назвал «коллегой», что мне весьма понравилось. «Видимо, он сразу заметил во мне склонность к научной деятельности»,— подумал я. Помимо нас, пришла еще девушка с короткой челкой и очень независимым видом и какой-то пожилой гражданин в очках.

— Ну что ж, друзья мои, приступим,— приятным баритоном произнес кандидат наук.— Прежде всего вам надо усвоить три правила... Э-э... Читать текст не по горизонтали, как вы привыкли, а только по вертикали, сверху вниз. Схватывать взглядом целые абзацы, а не фразы. И никогда не возвращаться к непонятным словам. Суть вы и без них поймете, времени же на эти повторы теряется много...

Затем он дал каждому из нас по книге Дюма «Три мушкетера»... И мы по его команде приступили к скорочтению. В комнате зашелестели страницы. Особенно старался Витя Бутин, поскольку у него был уже заключительный урок. Кандидат наук подходил к каждому и делал дружеские замечания относительно того, как держать голову, на каком расстоянии от глаз должна находиться книга и какими пальцами удобнее всего быстро перелистывать страницы. Его дружеские советы помогали. Шуршание в комнате усилилось.

Веселую и волнующую историю о необыкновенных приключениях трех королевских мушкетеров я, разумеется, уже читал. Как и другие слушатели кружка. Но это не мешало нам с удовольствием перечитывать книгу вторично. Тем более новым методом. За первые полчаса я, по совету нашего руководителя, отнеся текст подальше от глаз, чтобы сократить угол зрения, осилил довольно объемистый том наполовину.

Теперь он решил проверить, как мы усвоили учебный материал, и начал задавать нам по очереди каверзные вопросы: с кем впервые скрестил шпагу Д'Артаньян, кто отрубил голову Миледи и почему красавец Портос так усиленно ухаживал за женой прокурора, госпожой Кокнар? Все мы отвечали толково и ни разу не сбились.

— Отлично,— удовлетворенно произнес кандидат наук.— Усвояемость хорошая. Прекрасно овладели и методологией. Попрактикуйтесь дома. Приводите на следующие занятия ваших знакомых и родственников. Каждый, кто не хочет прослыть невеждой в наш насыщенный информацией век, обязан освоить скорочтение. Запомните это и сообщите товарищам. Самым близким, конечно. Жду вас в пятницу.

Столь же успешно, как я увидел, работали и другие. В молчании прошло минут двадцать.

— Все,— громко произнес я, гордо оглядывая сокурсников.

— У вас удивительные способности, коллега,— сказал кандидат наук.

— Я тоже прочитала,— самолюбиво сказала девушка с челкой.

Пожилой мужчина в очках посмотрел на нас с завистью и несколько раз сжал и разжал пальцы правой руки.

— Гибкость не та,— с сожалением констатировал он.

— Не огорчайтесь, гибкость появится со временем,— успокоил его кандидат наук.— Побольше практики.

Мы заплатили по таксе и разошлись, гордясь приобщением к клану скорочитателей и возможностью быстро ликвидировать свое невежество в различных сферах человеческих знаний.

Утром я зашел в нашу институтскую библиотеку и взял сразу несколько учебников.

— Когда принесете? — спросила Нина, библиотекарь, очень милая, но строгая девушка.— Скоро сессия, долго держать нельзя.

Я улыбнулся наивности ее вопроса и молча пошел в читалку. А через пару часов принес все назад и попросил несколько книг домой до утра. На следующий день я удвоил количество книг. И вновь сдал вовремя. Мне было неудобно смотреть в удивленные глаза Нины, и я признался ей по секрету, что под руководством известного ученого освоил новый метод скорочтения. После этого признания Нина стала безропотно выдавать мне учебники и вспомогательную литературу большими пачками. За неделю мой библиотечный формуляр оказался целиком заполнен записями, так что пришлось Нине делать вкладыш.

Я по часам подсчитал, что довел производительность при подготовке к экзаменам до девятисот слов в минуту, потом до тысячи. И наконец наступил день, когда я перешагнул и этот рубеж. Правда, в тексте встречалось немало абсолютно незнакомых слов, но я, памятуя наставления кандидата наук, никогда к ним не возвращался. Все шло как по маслу.

Началась сессия. На экзамен я пришел с пустыми руками, тогда как все вокруг лихорадочно листали книги и конспекты. Я поглядывал на них насмешливо Подошла моя очередь: я смело вошел в аудиторию, как с равным поздоровался с нашим преподавателем, во время встреч с которым раньше чувствовал легкий озноб. В билете было три вопроса. Я сел за стол. Вопросы показались мне очень знакомыми. Я прекрасно помнил, что прочитал все, написанное за последние сто лет по этим проблемам. Вот только никак не мог вспомнить: что же именно? Когда меня пригласили отвечать, я все еще надеялся на чудесное прозрение, всплеск памяти. Но чуда не произошло.

— Придется пересдавать,— сказал преподаватель, протягивая мне зачетку, и я снова почувствовал привычный легкий озноб.

— Срезался,— все еще не веря случившемуся, сообщил я библиотекарю.

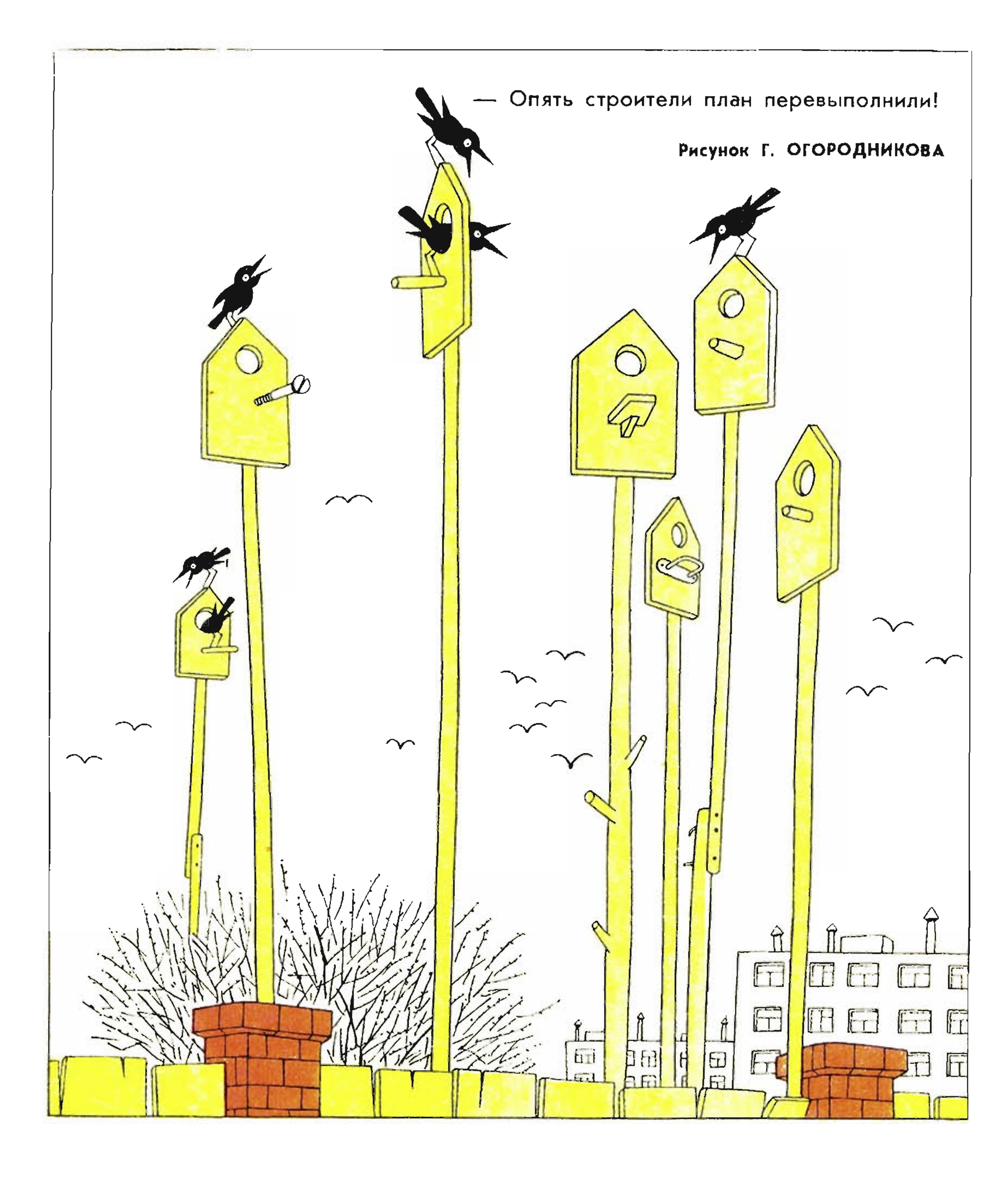
— Надо было захватить на экзамен формуляр и показать этому придире,— посоветовала Нина.— Вы ведь столько читали...

— Да,— согласился я уныло.— И, главное, по новейшей научной методике...

Теперь вот готовлюсь к пересдаче экзамена старинным мучительным методом изнурительной зубрежки, хотя душа моя ликует. Вы спросите, почему?

Я нашел способ отомстить «срезавшему» меня преподавателю: познакомил его с изобретателем скорочтения. Наш преподаватель решил «остепениться», ему предстоит сдача кандидатского минимума, и поэтому он ухватился за новый метод, как утопающий за соломинку.

Так что день моего торжества совсем не за горами...

— Опять строители план перевыполнили!

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА

Намылил шею

Это неважно, что в Ялте тепло. Тамошний житель Заблоцкий все равно любит попариться в бане.

И вот этот самый житель Заблоцкий присылает нам в сентябре прошлого года досадливое письмо о том, что уже целый год, как ялтинская баня закрыта на ремонт, а когда откроется, никто не знает.

Ну, мы-то тем более не в курсе дела были, поэтому письмо Заблоцкого переадресовали Ялтинскому горисполкому.

Но и горисполком вопросом Заблоцкого тоже несколько призадачился. Он запросил ответ у горкомхоза.

Горкомхоз молча думал до нового года, и уж под самый новый год (29 декабря) главный инженер Ковыженко сообщил нам, что гражданин Заблоцкий зря, да и поздно, суется не в свое дело, тревожа вышестоящие организации, потому что реконструированные душевые павильоны как раз в сентябре-то и начали работать, а мыльная и парная и вовсе как раз сегодня.

И заждавшийся гражданин Заблоцкий, нежно упрятав под мышку веник, побежал париться. Тем более что в это время в Ялте как раз и было 29 декабря.

Однако парная не работала. Мыльная — тоже. Работал только душевой павильон, но не совсем. В половине реконструированных кабин не горел свет.

— Третий час сижу,— объяснил тот, кто сидел первым в очереди.— Лампочек в половине кабин нету.

Но Заблоцкий не такой человек, чтоб сложа руки сидеть. Выбежал во двор, вывернул лампочку, горевшую над кассой, и, держа ее над головой, как Данко, гордо крикнул:

— Чур, я первый! Я — в темную!

— Чего шумишь? — зашумела очередь.— В темных тоже моются! На ощупь.

Потоптался Заблоцкий со своей лампочкой и опять сообразил:

— А темной ванной случайно нету?

— Есть,— отвечают.— Только оттуда какая-то бабка давным-давно отчего-то не вылезает...

Опять заговорил Заблоцкий. И так он справедливо и без передышки глаголом жег сердца людей, что те не выдержали.

— Да не маши ты веником! — закричали.— Иди ты в свою ванную с глаз долой!

Тут как раз бабка из ванной и выковыляла.

Заблоцкий шасть на ее место. Вкрутил лампочку — глядит: вентилей в смесителе нету, а вода просто так сама по себе течет и едва теплится.

Выглянул Заблоцкий к народу с новым вопросом:

— А разводного ключа у кого-нито не найдется?

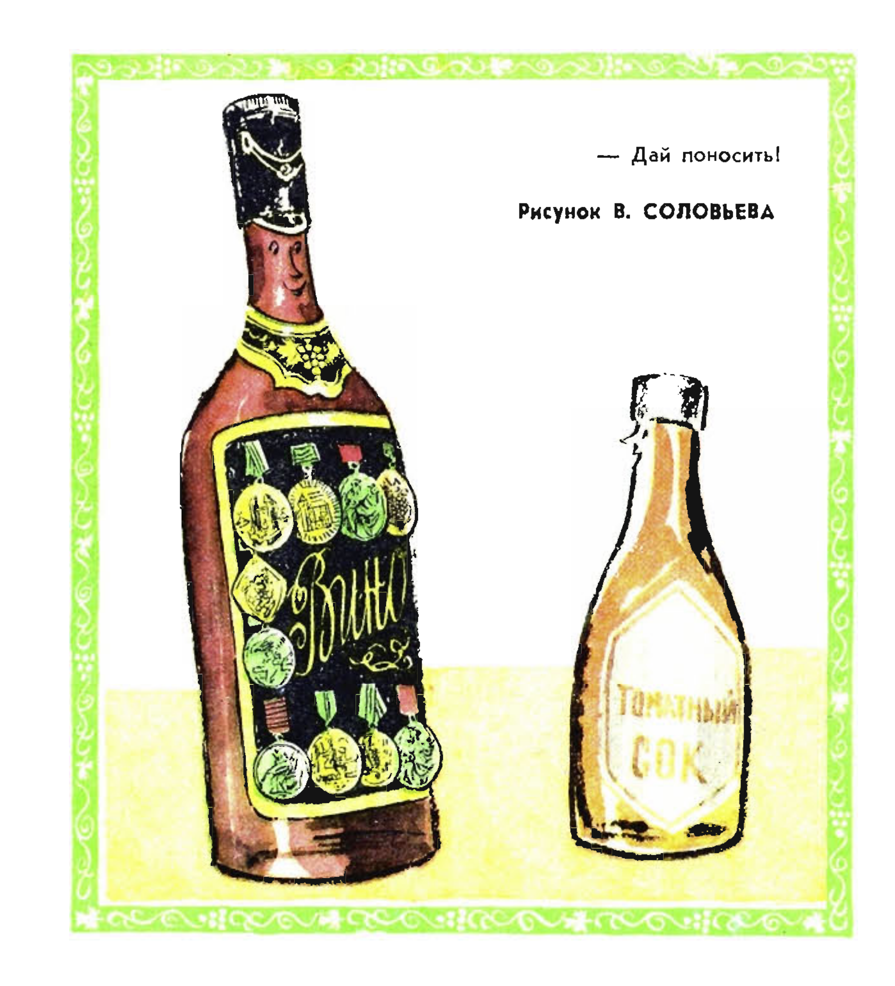
— Вот вытащим из ванны пробку, да и рот тебе заткнем! — пообещал народ.

— Так вода же тогда из ванны вытечет,— обиделся Заблоцкий, захлопывая дверь.

Только начал располагаться — мыло класть некуда. Снова пришлось проявлять находчивость. Выбежал Заблоцкий опять же во двор и скорехонько отыскал консервную банку. Приладил ее вместо мыльницы, разделся, намылился — хлюп! А вода и вовсе иссякла.

И поверивший Ялтинскому горкомхозу гражданин Заблоцкий так и остался с намыленной шеей.

П. МАШКИН

— Дай поносить!

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

26 и один

Предметы широкого потребления, увы, иногда приходят в негодность. Так случилось и с замшевым сапогом жительницы Волгограда К. Н. Слеповой: он попросил немного каши. Так, самую малость.

Гражданка Слепова, человек в таких делах опытный, взяла сапог в руки и пришла с ним в мастерскую № 7. Там ей назначили цену ремонта — 3 рубля 79 копеек. Как выяснилось впоследствии, это было почти даром. Однако через две недели сапог так и не починили, а для стимула потребовали еще дополнительную мзду: 5 рублей 51 копейку. Причем о сроке и разговору не было.

Тогда гражданка Слепова опять взяла сапог в руки и пошла прямиком на ремонтную фабрику с многообещающим названием «Прогресс». Ремонтных дел мастера прищурились на сапог и заломили 26 (двадцать шесть) рублей и еще 50 (пятьдесят) копеек в придачу.

Пошла было владелица сапога жаловаться к директору, но туда ее не допустили, и обратилась она в плановый отдел фабрики. Там ей вежливо так и, главное, без волокиты и бюрократизма ответили, что сапоги она могла бы купить новые, а не занимать у деловых людей время своими склоками.

К счастью, свидетелем этой сцены оказался товарищ С. Г. Кутарев — сапожник из мастерской срочного ремонта, что приютилась в доме № 12 по улице Гагарина. Взял он злополучный сапог и без лишних слов отремонтировал его в присутствии гражданки К. Н. Слеповой. И деньги получил по прейскуранту: один рубль и две копейки. Ровно в 26 раз дешевле, чем хотели получить с владелицы сапога на фабрике с красивым названием «Прогресс».

И. ЯРОСЛАВЦЕВ

С ВЕРХНЕЙ ПОЛКИ

У фотолюбителя В. Савельева, переступившего порог омского фотосалона «Современник», было скромное желание — отпечатать и проявить заснятую пленку. Однако печатать снимки здесь не умели, и В. Савельев, уплатив в кассу тридцать копеек за проявку, с легким сердцем пошел домой.

— Случилось несчастье,— сказали В. Савельеву, когда через несколько дней он пришел получить заказ.— Она упала с первой полки на вторую.

— Приемщица? — ахнул В. Савельев.

— Тьфу, тьфу! — замахали на него руками.— Ваша пленка. А мы проявляем только те, которые с первой. Придется подождать.

— Слава богу,— вздохнул В. Савельев и с легким сердцем ушел домой.

Получив через некоторое время пленку, В. Савельев решил все же ее отпечатать. Однако в фотосалонах на улицах Косарева, Короленко, Профинтерна, куда заходил упрямый фотолюбитель, ему говорили:

— Не печатаем! Некому! Не умеем!

— Странно,— робко говорил В. Савельев.— На каждом углу рекламные вывески и щиты висят. Фотолюбителей в фотосалоны приглашают...

— Зачем приглашают? — удивлялись в фотоателье.

Однако В. Савельев не мог этого объяснить и направился прямо на фабрику фоторабот управления коммунального и бытового обслуживания Омского горисполкома.

— Рады бы помочь, да некогда,— ответили ему там.— Рекламные вывески фотоспособом выпускаем: «Фотолюбители! К вашим услугам все фотосалоны нашего города!» Читали, наверное?

Л. ГУДКОВА

ТРИ МИНУТЫ ПАНИКИ

Нам, пассажирам, известно, что поезд Осташков — Москва прибывает на станцию Лохово во втором часу ночи. Известно и то, что стоит он тут три минуты. Одно покрыто мраком неизвестности: где остановится нужный тебе вагон? Ведь в твоем распоряжении только три минуты!

Особенно обеспокоены те, у кого много ручной поклажи, да еще малое дитя на руках. Дежурный по станции убаюкивает:

— Сядете. Без вас не уйдет.

А он ушел, поезд-то, пока я подтаскивал багажишко от фонарного столба № 2, где мне велено было ожидать, до входа в вагон № 3. Только и видел, как состав красным хвостовым огоньком мне помахал. Остальные все же сели. С трудом, конечно. Бедняжки! Метались вдоль поезда, словно на пожаре.

И впрямь роковые минуты. Не успел вскочить в вагон — торчи на станции сутки.

Я и торчу в неотапливаемой станционной ожидаловке. Сижу и думаю: сколько же нашего брата мыкается на таких вот станциях, как Лохово! Станций сотни, пассажиров еще больше.

А как бы, казалось, просто додуматься до простой вещи — установить вдоль пути указатели: «Остановка первого вагона, остановка второго вагона» и т. д. Люди спокойно, без нервотрепки ожидали бы прибытия поезда и еще спокойнее входили бы в свои вагоны.

И не было бы этих кошмарных трех минут.

В. БОРОНИН

ст. Лохово, Октябрьской ж. д.

Первыми приходят гости, которых не приглашали.

Образы в романе были настолько засушены, что он больше напоминал гербарий.

Годы идут. Об этом можно судить по постоянно молодеющим знакомым женщинам.

Выставочная обувь выкаблучивалась перед серийной.

Хотел внести в науку свою лепту, а внес лепет.

И самая свежая сплетня дурно пахнет.

Новая порода овец давала чистую полушерсть.

Т. КОНСТАНТИНОВ

И колесо счастья должно иметь тормоза.

По команде «Смирно!» Вопросительный Знак стал Восклицательным.

Для букашки нет ничего страшнее булавочных уколов.

Устраивая потоп, экономьте воду.

В его обществе и домашние животные дичали.

А. ДАВИДОВИЧ

Рисунок Г. ИОРША

Эр. ЭДЕЛЬ

ЗАГАДОЧНАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Говорят, казус этот произошел на перекличке литературных героев.

— Тихомиров!

— Я!

— Нет, это я Тихомиров! — раздался второй голос.

— Титов!

— Я! — откликнулись одновременно двое.

— Смирнов!

— Я! Я! — прозвучало дуэтом.

— Ситуация!.. — сказал Тихомиров-первый. — Вы кто такие?

— Мы защитники балтийских островов в 41-м году,— ответили вторые.

— И мы,— удивились первые.— Вот как про нас сказано: «Тихомиров по-прежнему смотрит на меня.

— Титов, принимай взвод... Садись в засаду перед кладбищем, а мы будем отходить на вторую линию...»

Теперь предъявите-ка ваши документы, то есть цитаты.

— О нас черным по белому написано: «Тихомиров остановил свой взгляд на Титове.

— Сержант Титов, принимайте взвод! Взвод займет оборону у кладбища... Мы... создадим вторую линию обороны». Поразительное совпадение!

— Доложите о местных предметах, — попросили первые.— У нас было так: «Вдоль кладбища шла проселочная дорога... поднимался некрутой косогор, густо поросший можжевельником...

На косогоре параллельно дороге вырыты пулеметные ячейки. Неподалеку начинался ход сообщения, ведущий к хутору. ...Густой можжевельник надежно закрывал ячейки...»

— Ну, как есть все сходится! — изумленно покрутили головами вторые: — «Возле кладбища... высился пологий холм... поросший ползучим можжевельником... ...Тихомиров заранее распорядился открыть на склоне холма стрелковые ячейки, замаскировав их можжевельником. От них был прорыт ход сообщения, который вел к хутору». Вы как готовились к бою?

— Как положено, — ответили первые.— «Я обошел всех бойцов... показал каждому сектор обстрела. Красноармейцы набивают диски... раскладывают гранаты...»

— «Сержант обошел взвод, назначил каждому сектор стрельбы. Он набивал круглые диски. Рядом... лежали аккуратно разложенные гранаты», — процитировали без запинки вторые.

— Сверим данные о противнике, — предложили первые.— «Из леса вышло четверо рослых эсэсовцев. Прошли метров пятьдесят... пристально оглядывая кладбище... Немцы... помахали своим и двинулись дальше.

Из леса выходит первый взвод... вытягивается уже третий взвод... И тогда я нажал спуск...»

— «И вот из леса вышли четыре рослых немца,— как эхо, отозвались вторые.— Гитлеровцы подошли к кладбищу и стали его разглядывать... Немецкие разведчики помахали руками... и пошли дальше. На дорогу вышел взвод солдат; за ним второй, третий. Он навел пулемет... и открыл огонь».

Так и не выяснив причину столь странного совпадения, литературные персонажи разошлись под свои обложки. Первые вернулись в журнал «Молодая гвардия», в повесть А. Злобина и Г. Титова «...И остался в живых», опубликованную в 1966 году. Вторые удалились на страницы повести Ю. Виноградова «Моонзунд в огне» (журнал «Звезда», 1970 год).

...Уж сколько раз твердили в литературном мире, что списывать, ай-ай, как нехорошо. И уж совсем некрасиво присваивать чужие абзацы, коли пишешь о Великой Отечественной войне.

Используя отрывки из одной документальной повести в другой, неплохо было бы указать источник заимствования. Ведь без этого выходит не что иное, как элементарный плагиат.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Осень — пора свадеб. Завтра намечается торжественная регистрация 195-го в этом году брака Анатолия Гавриповича И. и Валентины Георгиевны О.».

Газета «Знамя», г. Чадыр-Лунга

«Если Вы хотите посмотреть кинофильм, повествующий о трагедии женщины, дочь которой влюблена в своего отчима, а он отвечает ей взаимностью, то приходите 25—26—27 января в районный Дом пионеров на демонстрацию нового художественного фильма «Нелюбимая».

Газета «Заря коммунизма», Окуловский район, Новгородской области

«В нагрудном кармане его брюк было обнаружено две фотографии».

(Из судебного протокола)
Прислала Т. Агафонова, г. Минск

«Все знают, что я женился. Администрация дала мне отпуск на три дня. Поскольку у меня много родственников, я не вложился в этот срок. Прошу учесть это».

(Из объяснения прогульщика)
Выписал А. Баньков, г. Калининград

«Труженики колхозов и совхозов крепко сдружились с аммиачной водой».

Газета «Приокская правда», г. Рязань

«Современные магазины строят с несколькими дверями (вход и выход). Это делается для того, чтобы люди в проходах не скрещивались».

(Из работы учащегося торгового техникума)
Прислала В. Иванова, г. Семипалатинск

«Объявление
Шепетовскому мясокомбинату требуются в цех по разделке кроликов — убийцы и шкуродеры. Обращаться в контору комбината».

Прислал А. Сидорчук, г. Шепетовка

«Плохая ткань меньше служит человеку, а значит, ее больше надо выпускать».

Газета «Труд», г. Клинцы

НЕофициальный отдел

ВСТРЕЧА С МИЛИЦИЕЙ

До сих пор никто из крокодильцев не может понять, как это случилось. Казалось, что мы не нарушали правил уличного движения, не совершали сложных, запутанных преступлений и вообще не преступали черту закона. Но тем не менее на днях они пришли к нам...

А именно начальник Управления государственной автомобильной инспекции МВД СССР комиссар милиции III ранга В. В. Лукьянов, заместитель начальника Следственного управления полковник милиции В. Ф. Статкус и заместитель начальника отдела политико-воспитательной работы комиссар милиции III ранга С. Л. Шевченко.

И хорошо поставленным голосом сказали:

— Пройдемте!

Фельетонисты и художники прошли в Продолговатый зал редакции. Здесь гости рассказали о своей работе, дали серьезные, обстоятельные ответы на подчас не очень серьезные вопросы юмористов.

Итог встречи: Крокодил заказал себе милицейскую форму, в которой, вероятно, и увидят его в ближайшее время читатели...

КРОКОДИЛ НА КАМАЗЕ

Сейчас модны автомобили-самоделки.

— А почему бы не соорудить собственный крокодильский автомобиль? — предложил один из сотрудников редакции.

— Зачем нам самоделки? — заспорили с ним. — Давайте уж приобретем что-нибудь покрупнее: грузовик «КамАЗ», например.

— Но он будет выпущен лишь в 1974 году.

— Тем более. Поможем строить завод...

И вот в Набережные Челны, где идет самая крупная стройка пятилетки — сооружение Камского автомобильного завода, выехала бригада. Она встретилась со строителями, предложила «войти к ним в долю». Камазовцы горячо одобрили это начинание. На стройке учрежден крокодильский корреспондентский пункт, который будет держать постоянную связь с редакцией на предмет помощи в решении нерешенных вопросов.

«ФИТИЛЮ» — 10 ЛЕТ

Нашему веселому брату по сатире — всесоюзному киножурналу «Фитиль» — исполнилось 10 лет. Десять лет — это 117 выпусков, почти 400 сатирических и юмористических сюжетов, только с добавлением слова «кино»: кинофельетоны, киноминиатюры, киноразоблачения и киношаржи...

За отчетный период коллектив «Фитиля», возглавляемый главным редактором Сергеем Михалковым и главным режиссером Александром Столбовым, не получил ни одной творческой заявки от проштрафившихся граждан или организаций. Да заявки и не нужны. Чтобы попасть в «Фитиль», достаточно быть выдающимся бесхозяйственником, умелым очковтирателем, злостным алиментщиком, дремучим невеждой или просто очень равнодушным к своему делу деятелем. Вот почему при наличии огромной тяги отдельных граждан и целых коллективов попробовать свои силы в кино — в «Фитиле» сниматься никто не стремится, кроме, естественно, популярных актеров.

«Фитиль» делают не только профессиональные кинoработники, но и литераторы, маститые и молодые. Авторы «Фитиля» постепенно стали крупными специалистами в этой новой, малоизвестной области киносатиры.

Художественные, игровые сюжеты идут в «Фитиле» на равных правах с документальными, обрели свои положительные формы, несмотря на отрицательное содержание. А сам журнал стал своеобразным НИИ по отработке киносатиро - юмористических приемов.

«Фитиль», как утверждают врачи, показан и тем, кого он не показывает. Это нужно для профилактики.

Что можно пожелать нашему юному кинобрату в его первый юбилей? Пусть всегда будет разящая сатира! Пусть всегда будет юмор! Пусть всегда будут шутки!

ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ КАРИКАТУР

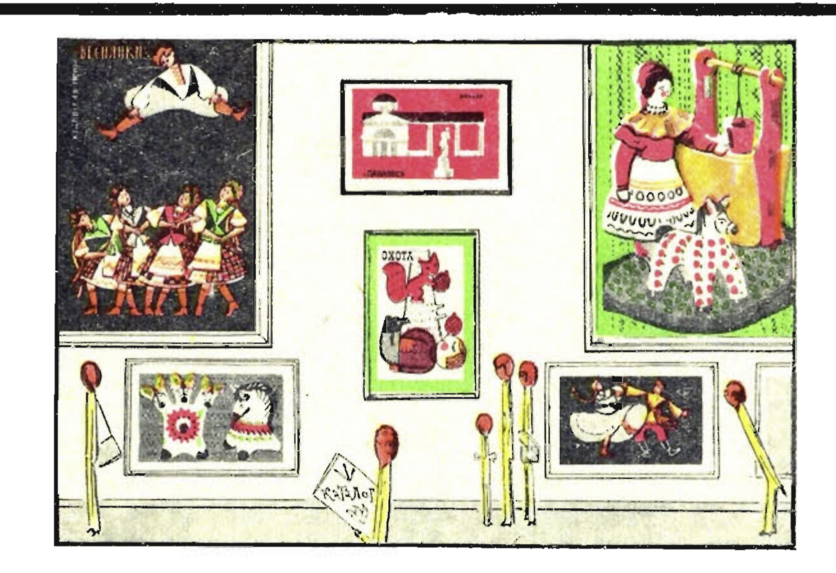
В предисловии к сборнику карикатур заслуженного деятеля искусств Украинской ССР Владимира Гливенко, изданному недавно в Киеве, главный редактор журнала «Перец» Ф. Маківчук пишет: «Он рисует остро, лаконично, точно... Его карикатуры бывают добродушно-веселыми, подчас даже добрыми. Но если объектами сатирических атак художника являются наши зарубежные недруги или такие антипатичные личности, как бюрократы, хапуги, пьяницы, дармоеды,— рисунки становятся сердитыми, злыми, убийственными. А это, между прочим, тоже знак доброго и большого таланта».

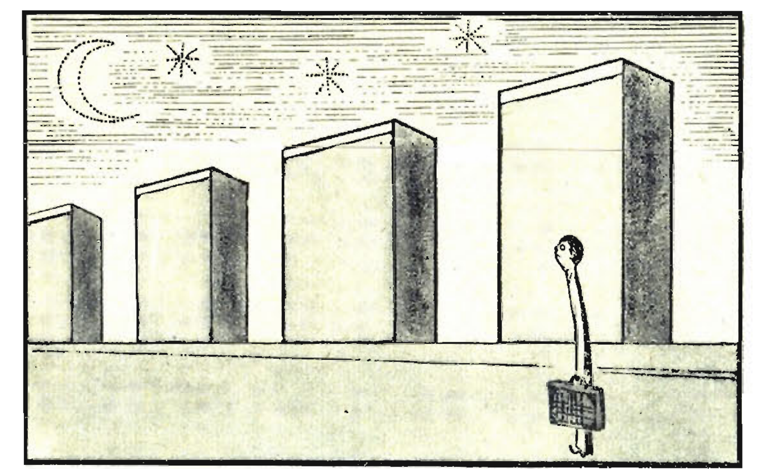
НовоБРЮЧНЫЕ — Рисунок М. СОКОЛОВА

М. БИТНЫЙ

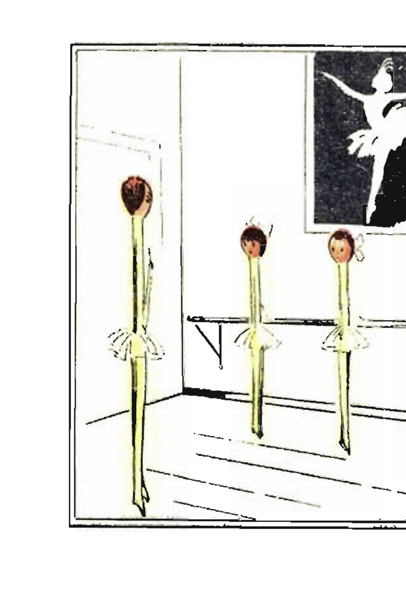

Выставка

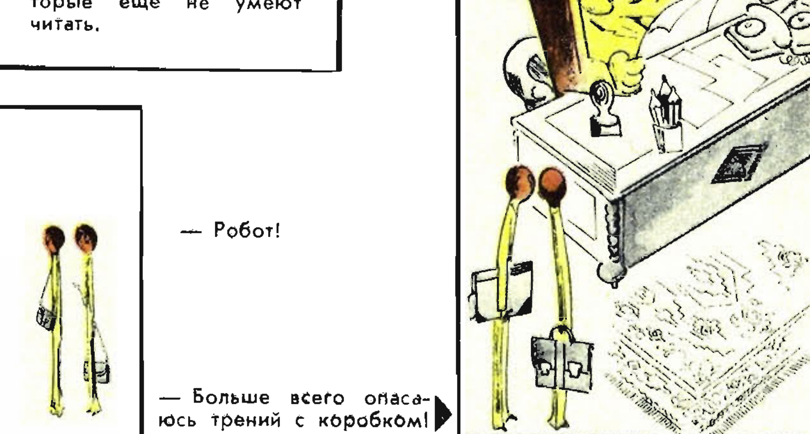
— Который же мой дом?

— Главное — поменьше ломайтесь и больше огня!

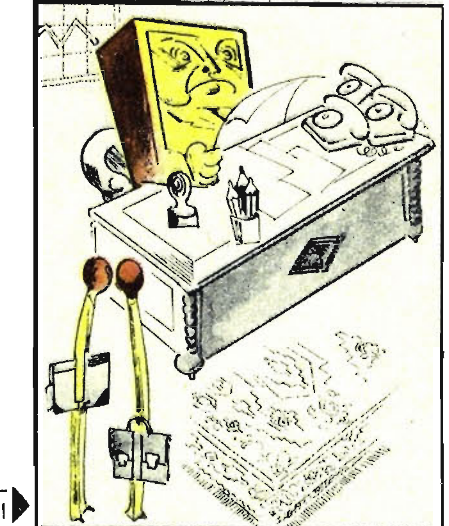

— Особенно я люблю играть с детишками, которые еще не умеют читать.

— Робот!

— Больше всего опасаюсь трений с коробком!

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Милослав ШВАНДРЛИК (Чехословакия)

ГАРМОНИЧНЫЙ БРАК

Недавно моя жена заявила приятельнице:

— Наш брак так гармоничен! Муж внимателен ко мне и ухаживает за мной точно так, как и двадцать лет назад, когда мы с ним познакомились.

Что ж, в основном это правда. Сказав однажды перед алтарем «да», я всегда оставался верным своему долгу. Я всегда старался, чтобы наш брак был гармоничным, прочным, солидным.

Однако в самой глубине души я чувствую, что двадцать лет назад все было чуть-чуть по-другому...

Отлично помню, например, то солнечное воскресенье, когда мы с Андулкой, в то время еще молодожены, пошли в зоологический парк. Помню, как подошли мы к обезьяннику. Андулка всплескивала руками и очаровательно лепетала.

«Ах, как же она прелестна! — думал я.— Разве, глядя на нее и на этих мартышек, можно согласиться с Дарвином? Разве можно даже предположить, будто это нежное, хрупкое существо имеет что-то общее с обезьянами?»

Затем, помню, мы оказались около павильона заморских птиц.

«Ах, как звонко они щебечут, как красивы их перышки, как очаровательны эти создания природы! — мысленно восклицал я.— Но разве могут они сравниться с обаянием моей дорогой Андулки? А вот названия их мне пригодятся. Не могу же я все время называть ее «солнышко», «милочка». Завтра же удивлю ее и скажу «фламингушка ты моя!», «пингвинчик!», «пеликанчик!».

Недавно мы снова посетили зоопарк.

Правда, я хотел пойти на футбольный матч, но Андулка, как всегда, настояла на своем. Ей, видите ли, захотелось вспомнить былые дни...

Как и тогда, двадцать лет назад, Андулка потащила меня к обезьяннику. Она всплескивала руками, что-то бормотала себе под нос. И не было в этом ничего очаровательного.

«Можно спятить, глядя на нее! — думал я.— Увидала обезьян и запрыгала. Это в ее-то возрасте... Впрочем, что тут удивительного: родство душ!»

Еще хуже было, когда Андулка привела меня к решетке, за которой с ноги на ногу переминалась слониха. Мне почему-то сразу вспомнилась газетная заметка, в которой сообщалось, что в одном из заграничных зоопарков посетитель так разозлил слона, что тот сломал загородку и сплясал на посетителе гопака... «А что, если бы и эта слониха...— подумал я.— Ведь я еще сравнительно молод...»

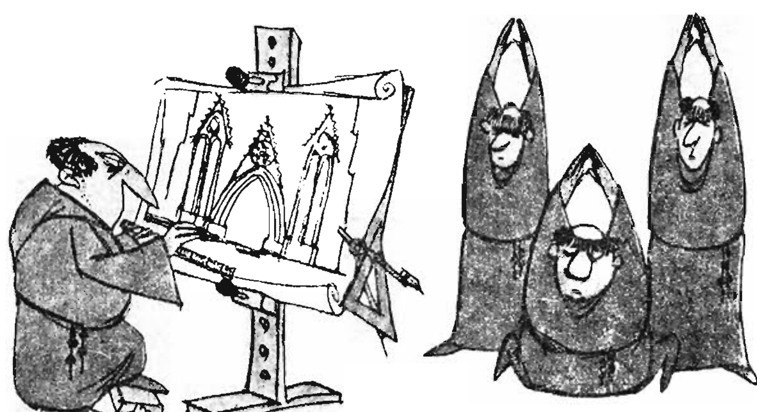
Такие же мысли роились в моем мозгу и тогда, когда Андулка склонилась над бетонным бассейном, где белые медведи время от времени открывали голодные пасти.

«А вдруг она туда упадет?! Вдруг кто-нибудь ее туда подтолкнет?..»

Однако желающих подтолкнуть не нашлось, и ничего страшного с Андулкой в зоопарке не произошло. Мы благополучно вернулись домой и сразу же пошли к Погреболковым перекинуться в картишки. Там я снова был нежным, внимательным, образцовым мужем. Пани Погреболкова то и дело ставила меня в пример своему бедному супругу.

А когда Андулка рассказала соседям о том, как мы сегодня снова вспоминали в зоопарке нашу молодость, из моих глаз капнуло несколько слезинок...

«Лудаш мати», Венгрия.

— У вас очень напряжены легкие. По-видимому, вы музыкант и играете на инструменте, требующем много воздуха?

— Совершенно верно.

— Мы, врачи, ошибаемся крайне редко. А на каком инструменте вы играете — на трубе или саксофоне?

— На аккордеоне...

●

Судья:

— Если вы признаетесь, где спрятали украденные деньги, приговор будет смягчен.

Обвиняемый:

— Господин судья, но ведь это — чистейшее вымогательство!

Пану Ковальскому позвонил по телефону один из его кредиторов:

— Вы мне наконец вернете деньги?

— К сожалению, пока не могу.

— Тогда имейте в виду: я оповещу всех кредиторов, что вы мне их вернули.

●

Репортер пишет своей матери:

«Извини, что так долго не давал о себе знать. Не хватало фактов».

●

— Что я вижу: ты хоть и женился, а сам пришиваешь пуговицы к своему пальто.

— Ты ошибаешься: это пальто моей жены!

●

Родственники сказали врачу:

— Доктор, вы обещали вылечить больного, а он умер.

— Вы, очевидно, не знаете, как шло лечение. Больной умер полностью исцеленный.

●

Одному человеку предсказали, что он погибнет в результате какого-нибудь спора. С этого времени он стал со всеми предупредительным, деликатным, вежливым и уступчивым. Но однажды он тяжело заболел, и у его постели собрался врачебный консилиум. Увидев врачей, больной прошептал:

— Вот когда сбывается предсказание!..

●

Директор банка спрашивает поступающего на работу бухгалтера:

— А сколько времени вы проработали на предыдущем месте?

— Четыре года.

— Это неплохо. А почему уволились?

— Вынужден был: объявили амнистию...

●

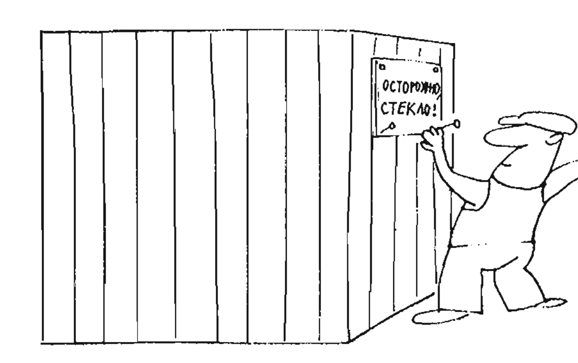
— Я изобрел приспособление, которое позволит каждому видеть сквозь стены.

— Но это уже изобретено.

— Не может быть! Как же называется это изобретение?

— Окно.

Эхо. «Вельт дер арбайт», ФРГ.

«Пари матч», Франция.

РАЗНЫХ ШИРОТ УЛЫБКИ

Амад НУРИ (Иран)

Выигрышный билет

Как только выпустили билеты очередной лотереи, Джавад-ага, наборщик городской газеты, купил один билет за 20 риалов. Купил, посмотрел на номер, запомнил его и спрятал билет — а вдруг выиграет.

* * *

Через несколько дней хозяин квартиры потребовал уплаты долга за жилье. Бедный Джавад пробормотал:

— Простите, хозяин, у меня как раз сейчас несколько затруднительное финансовое положение... Может быть, возьмете лотерейный билет? Вот он. Номер двадцать два двадцать два. Поверьте, хозяин, у меня предчувствие, что этот билет выиграет десять тысяч туманов. Но тем не менее я готов подарить его вам в погашение трехмесячной платы за квартиру...

Хозяин квартиры усмехнулся и сказал:

— А у меня есть предчувствие, что, если ты не уплатишь за квартиру к концу этого месяца, все твое тряпье полетит на улицу.

* * *

В день розыгрыша лотереи в типографию вошел курьер и положил перед Джавадом несколько листков.

— Главный редактор требует как можно скорее набрать, чтобы читатели смогли побыстрее получить таблицу выигрышей.

Джавад принялся за работу.

«Выигрыш в 10 000 туманов выпал на билет № 2225...»

В каком-то оцепенении Джавад несколько раз облизнул губы. Набирая цифры и буквы, он с негодованием косился на номер, который всего лишь на три единицы отличался от номера его билета. И вдруг в голове у него блеснула изумительная мысль. Глаза его заблестели. Вместо того, чтобы набрать номер 2225, Джавад набрал свой номер — 2222!

На его счастье, корректор не заметил ошибки, и, когда газета вышла из печати, на первой полосе огромными буквами значилось:

«ВЫИГРЫШ В 10 000 ТУМАНОВ ВЫПАЛ НА БИЛЕТ 2222».

* * *

Господин Геда-заде, хозяин квартиры, в которой жил Джавад, сидел в своей торговой конторе и попивал кофе. Машинально он стал просматривать свежую газету:

«ВЫИГРЫШ В 10 000 ТУМАНОВ ВЫПАЛ НА БИЛЕТ 2222».

— Какой знакомый номер,— задумчиво пробормотал он и вдруг вспомнил:— Не может быть! Вот и не верь после этого в предчувствия! Какой же я был дурак, что не согласился на предложение этого оборванца!..

* * *

Никогда в жизни почтенный домовладелец не бегал с такой быстротой. Через пять минут он уже улыбался Джаваду.

— Ты знаешь, Джавад,— с трудом переводя дыхание, пробормотал он,— мне жаль выселять такого богобоязненного и доброго человека, как ты. Пусть аллах будет свидетелем моей доброты... Так и быть, дай мне этот лотерейный билет, о котором ты мне говорил, и я на месяц отсрочу уплату за квартиру. Вообще-то билет этот мне не нужен, но...

— О спасибо, почтеннейший домовладелец, но лучше я отдам вам этот билет — я даже номер его помню — 2222 — после тиража. Кто знает, а вдруг... Тем более у меня было предчувствие...

— При чем тут предчувствие? Билет — это чепуха. Просто память о моем щедром сердце. Ведь я готов держать тебя целых три месяца. Бесплатно. Давай-ка билет.

— Вот он, господин Геда-заде, 2222. Но лучше я вам все-таки отдам его после розыгрыша. У меня ведь предчувствие...

— Ладно, вот тебе тысяча туманов, и давай билет. Он мне нужен как память.

— Предчувствие...

— Две тысячи...

— Предчувствие...

— Пять тысяч туманов. Соглашайся, пока меня не увезли из-за моей доброты в сумасшедший дом.

«Как только этот идиот увидит газету,— подумал Геда, вручая деньги,— его тут же хватит удар».

* * *

На следующий день Джавад набирал петитом:

«По неизвестной причине скоропостижно скончался господин Геда-заде, один из уважаемых купцов нашего города».

КРОКОДИЛ
№ 7 (2017)
ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: А. Баженов, М. Вайсборд, Г. Иорш, С. Кузьмин, В. Мохов, Олег Попов, М. Соколов, Ю. Степанов, В. Тильман, Е. Шабельник.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 17/II 1972 г. А 00875. Подписано к печати 28/II 1972 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л.

Фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва А-47, ул. Правды, 24. Отпечатано в типографии «Уральский рабочий», г. Свердловск, пр. Ленина, 49.
Тираж 5 000 000 экз. (5 завод: 4 212 971 — 5 000 000)
Заказ № 1338

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

Американский 6-й флот отныне будет базироваться в греческом порту Пирей.

ОТКРЫЛИ АМЕРИКУ

Рисунок Е. ШУКАЕВА